

КАНТ И КЁНИГСБЕРГ

В. ШТАРК

(Марбургский университет им. Филиппа)

Физическая география в Кёнигсбергском университете: Карл Генрих Раппольт и Иммануил Кант¹

Чтобы лаконично в рамках небольшой статьи осветить тему «Физическая география в Кёнигсберге XVIII века», нужно отсечь определённое количество избыточной информации и ограничиться лишь некоторыми пунктами. Необходимо отметить тот факт, что этой темой я занимаюсь более или менее интенсивно уже около шести лет и — за исключением одного доклада почти трёхлетней давности — ничего по этой теме не публиковал. Что может быть в подобной теме, связанной с кёнигсбергским критиком чистого разума, настолько увлекательным или затруднительным, чтобы потребовалось несколько лет работы? В какой связи с философией и размышлением о человеческих поступках и мотивах может находиться для Иммануила Канта такая отдалённая область исследования, как физическая география, которая обычно однозначно понимается как опытное знание внешнего мира? Может ли вообще этот в буквальном смысле приземленный предмет иметь значение для философа Канта? В этой статье я попытаюсь дать сжатый ответ на подобные вопросы и в то же время обратить внимание на тот весьма земной контекст, который может быть выяв-

¹ Перевод с немецкого О.А. Тяпиной.

лен во многих — если не во всех — философских работах и лекциях Иммануила Канта.

В качестве введения в предмет как таковой я бы хотел обратить внимание на тот достаточно известный, но лишь немногими действительно осмысливаемый факт, что Кант в период своей деятельности в качестве доцента философского факультета кёнигсбергской Альбертины постоянно вёл соответствующий курс лекций — пользуясь терминологией того времени, *Collegium de geographia physica*. В течение сорока лет — с лета 1756 до лета 1796 года — Кант самолично более 40 раз представлял на рассмотрение своих слушателей, в основном студентов, тематику, которая сегодня на философском факультете или на кафедре философии зачастую воспринималась бы как чрезмерное требование.

Кроме того, необходимо упомянуть, что очевидно важные источники по всему курсу этих лекций до сих пор не являются общедоступными. Имеются многочисленные рукописи и фрагментарные обрывки текстов, созданные на протяжении почти всего того времени, когда кёнигсбергский доцент читал эти лекции, — далее я вкратце вернусь к этой теме. Предпринятое в 1802 году Фридрихом Теодором Ринком двухтомное издание «Кантовской физической географии» не может, как это показал уже около ста лет назад Эрих Адикес, восприниматься как собственно кантовская работа и тем более не может служить текстуральной базой для серьёзного исследования. Известны также четыре небольшие программы курсов, подготовленные магистрами, по отношению к которым Кант в течение своих первых лет работы в качестве доцента Альбертины (в 50-х годах) признавал своё научное авторство и распространял их среди студентов перед своим курсом лекций. Уже здесь проявляется — по сравнению с другими приват-доцентами — необычное поведение молодого тридцатилетнего Канта; он представил, таким образом, собственную программу обучения как раз к началу семестра, не пользуясь значительными привилегиями штатных преподавателей. На одном этом основании его занятия уже должны были и могли быть указаны в *Catalogus Praelectionum*.

(Расписание на лето было составлено как раз к началу третьей недели после христианской Пасхи — по регламенту факультета. Канту удалось опубликовать свою программу своевременно перед началом семестра.) Тем самым Кант очевидно и совершенно осознанно вернулся на академические подмостки кёнигсбергской Альбертины после периода репетиторства в провинции. Таким образом, весной 1754 года началась не столько головокружительная, сколько постоянно идущая в гору академическая карьера Канта. Кант вскоре, руководствуясь в том числе и экономическими соображениями, весьма успешно устроился и обосновался в Альбертине в качестве приват-доцента. Через несколько лет он стал известным за её пределами автором; а когда достиг шестидесяти, его публикации в значительной мере стали определять тематику и направление философских дискуссий того времени; в середине 1790-х годов он уже является признанной международным сообществом величиной.

Если не принимать во внимание предписанных академическими требованиями обязательных работ на латинском языке, то не только первые три из четырёх обнаруженных программных работ 1750-х годов, но и четыре более поздних немецкоязычных сочинения, которые появились в 1754 и 1756 годах в *Wöchentlichen Königsbergischen Frag- und Anzeigungs-Nachrichten*, относятся к отрасли физической географии. То же самое, без сомнения, можно сказать и о самой маленькой из двух самостоятельных публикаций того начального периода — о работе, в которой описывается почти полностью уничтожившее в 1755 году город Лиссабон землетрясение. Также и в отношении основной работы того времени, анонимно опубликованной в 1755 году — «Всеобщей истории и теории неба», — несмотря на физико-теологическое звучание её названия, нельзя отрицать известное родство с физической географией; поскольку обе — теория неба и физическая описательная география — согласуются с парадигмой ньютоновско-механистической концепции изучения природы.

Как мы видим, в первые годы академической карьеры тематика физической географии сыграла важную — возможно,

даже ведущую — роль. Существует основание для предположения, что Кант совершенно осознанно принял решение в этом направлении и, так сказать, сел на своего конька. Из приведенных соображений вытекает вопрос, можно ли определить основание, или мотив, или, может быть, реконструировать ситуацию, которые помогут понять и воспроизвести избранный им путь. Ведь наш жизненный опыт свидетельствует, что люди не действуют без основания или повода. Весьма кстати и то, что биографически ориентированные кантоведческие исследования едины в том, что одной из главных особенностей образа жизни Иммануила Канта было рано сформировавшееся самосознание: умение полагаться на собственные силы, собственная работоспособность и вместе с тем точная оценка ситуации принятия решения. Короче говоря, напрашивается вопрос: почему Кант «набросился на физическую географию»? Прежде чем я перейду к тому, чтобы предложить свой ответ, познакомимся ближе с предметом физической географии, а точнее, с той специфической формой, которую Кант придал этой естественнонаучной дисциплине в середине XVIII века.

Я уже упоминал о том, что самые важные источники по всему курсу этих лекций до сих пор не являются общедоступными. Речь идёт о 18 рукописях студентов и анонимных составителей. В последнее время они стали доступны, в том числе в электронной форме, в Марбургском отделении Гёттингенской академии наук (до конца 2001 года), а затем в Потсдамском отделении Берлинско-Бранденбургской академии наук. Десять других рукописей, прежде находившихся в Кёнигсберге, к сожалению, исчезли без следа. В статье я хотел бы ограничиться первой половиной 1750-х годов и представить Вашему вниманию, по возможности коротко: 1) ситуацию с источниками, 2) статус текстов, и прежде всего 3) структуру самих текстов.

1. В качестве первичного источника раннего лекционного периода мы имеем объединённый, подготовленный несколькими неизвестными составителями, сплошной текст на 342 из 344 перечисленных страниц в формате в четверть листа. На месте титульного листа на с. 1 можно прочесть: «Лекции про-

фессора Канта по физической географии, которые он прочёл мне в 1772/73 гг., в память об этом великом муже, исправленные им самим. Корректуры в этой рукописи сделаны его собственной рукой. / Барон фон Гольштейн». Сама рукопись упоминается в литературе уже в первой трети XIX века и по сегодняшний день находится, если я не ошибаюсь, в частном владении в Федеративной Республике Германии. Около 20 лет назад Рейнхард Брандт смог заказать для Марбургского кантовского архива фильмокопию. Несмотря на замечание графа Фридриха Карла Людвига фон Гольштейн-Бека (1757—1816), не существует никаких прямых ссылок на то, что в качестве автора текстов выступает Иммануил Кант.

2. Вопрос о статусе текстов считался в основном решённым со времени публикации Эрихом Адикесом «Исследований по физической географии Канта» (1911). Однако в ходе анализа, проведенного в основном в Марбурге в 2000—2001 годах, были сделаны некоторые уточнения в деталях: совершенно очевидно, что речь идёт о единственной сохранившейся копии так называемого надиктованного текста, который был отредактирован в последний раз во второй половине 1750-х годов и который Кант — неизвестно, в течение какого времени — использовал как основу своих лекций по физической географии. Текст выполнял ту же функцию, что и опубликованные учебники, которые Кант, впрочем, постоянно использовал — в соответствии с обычаями того времени. Полностью отсутствуют указания на то, что собственноручные заметки на полях принадлежат к различным периодам; напротив, эти заметки сплошь относятся, если они вообще содержат исходные данные для датирования, к началу 1770-х годов и попадают в тот временной период, на который указал Гольштейн-Бек в своём процитированном выше примечании. Предположение, что Кант быстро и не очень основательно просмотрел предложенные ему конспекты непосредственно перед тем, как передал их графу, в целом представляется неоспоримо доказанным. Вероятные сомнения в авторстве, которые возникают при знакомстве с самим текстом, можно рассматривать как не-

подтвержденные, поскольку на двух утерянных страницах собственноручных заметок из кантовского наследия прежней Кёнигсбергской государственной и университетской библиотеки можно найти тот же текст, что и в рукописи графа Гольштейна [21, Vd. XIV, R107—108]. Для противоположных предположений, в рамках которых в тексте хотят видеть конспект лекций, сделанный Гольштейн-Беком или каким-либо другим лицом, мы не находим никаких оснований. При более тщательном изучении текста было установлено — здесь я снова следую замечаниям и изысканиям Эриха Адикеса и его ученика Пауля Шрёка, — что он почти полностью составлен из выписок из имеющихся учебников, описаний путешествий и других научных работ. Структура целого, правда, является продуктом *sui generis*¹, который тем самым возвращает нас к Канту. В пользу этого говорят некоторые детали, например, многократная редакция, предпринятая составителем; последние дополнения датируются, по крайней мере, началом 1758 года.

3. Структуру текста и содержание лекций в их ранней версии описать довольно легко. За коротким «Введением», посвящённым сферическому виду небесного или космического тела Земли в соответствии с самыми последними результатами измерений, проведённых французскими исследователями, следуют одна за другой три части: первой идет статья о физической географии в собственном смысле, которая и дала название всему курсу лекций: феномен плоскостности Земли, не очень четко связанный с долгой традицией рассмотрения четверки элементов: воды, земли, огня и воздуха. Вместе с тем очень подходящий для портового города Кёнигсберга отрывок о мореплавании. Во второй части приведены три так называемые царства природы, ведущие свое происхождение от средневековой традиции обучения: животные, растения и минералы. Заключение содержит завершающий «Суммарный обзор имеющихся природных достопримечательностей всех стран в

¹ Своеобразный (лат.). — *Прим. ред.*

географическом порядке». Обзор ведётся, начиная с Восточной Азии (Китай) через Африку к Европе; затем Новый Свет Америки с её двумя частями света, вначале Южной, затем Северной. Короткое заключение всего обзора составляет описание необитаемых территорий в полярных морях.

Достаточно самостоятельно написана лишь первая часть, которая может быть прочитана в едином ключе как переработанная редакция опубликованных программ курсов летнего семестра 1757 года, за исключением разве что небольших, но поучительных модификаций. В целом текст содержит около 59 тысяч слов. Для сравнения: вышеназванные программы курсов включают около 3 тысяч слов (это 10 страниц во втором томе академического издания), а «Основы к метафизики нравов» (1785) содержат около 28 тысяч слов.

По сути программа предлагает внушительный обзор во всех без исключения мыслимых областях естествознания, ещё не распавшегося на отдельные предметы или дисциплины и основывающегося на применении математики и самых разнообразных методов. Основной темой «Лекций по физической географии» является описательное и сравнительное исследование природы в начале Нового времени, т. е. *Histoire de la nature*², а не наука математической физики, за которой стоит имя Исаака Ньютона (1642—1727). Его темой является природа как целое, рассматриваемая с помощью обычных чувственных средств познания, а не, например, законы гравитации, действующие в отдельных корпускулах. Эта генеральная линия замаскирована для читателя и слушателя тем обстоятельством, что первая часть, давшая название лекциям, кажется вполне ньютоновской; возможно — я так предполагаю — Кант сам в начале не вполне ясно отдавал себе отчёт в том противоречии (Ньютон/не-Ньютон), которое содержится в целой концепции.

Теперь я могу вернуться к вопросу, поставленному выше: почему в начале 1754 года Кант возвращается в Кёнигсберг в

² История природы (франц.). — *Прим ред.*

расчёте на академическую карьеру? С этим связан вопрос о той роли, которую здесь должны были сыграть «Лекции по физической географии». Я склоняюсь к убеждению в том, что: а) «Лекции по физической географии» не могут быть действительно поняты, если не знать мотивационной ситуации их автора, и б) относительно процесса философского развития кёнигсбергского критика разума в значительной его части мы остаёмся в тёмном неведении по поводу того, что могло быть или не могло быть. Следовало бы принять во внимание наблюдаемые в «Лекциях» изменения в понимании природы и мира. В более точной формулировке эту цель можно выразить так: тот, кто интересуется «*миром Канта*» и желает изучить его ближе, сможет осознать содержащееся в зрелой философии 1780-х и 1790-х годов миропонимание философа в исторически правильной перспективе лишь в том случае, если хорошо прояснить начало этого развития.

Однако как можно осуществить это требование? Являются ли скудные биографические свидетельства о молодом Канте, в основном высказывания современников, достаточно проанализированными и рассмотренными с разных сторон? Или найдены какие-нибудь новые биографические источники о раннем периоде его жизни? Хотя это действительно, правда в весьма скромном объеме, имело место в последние годы (Ольштын, Гданьск), однако это почти не касается «Лекций по физической географии» или возвращения Канта в Кёнигсберг весной 1754 года.

Однако существует другой путь, на который исследователи в прошлом не решались вступать частью из-за отсутствия интереса, частью из-за недостатка источников. Те, кто ретроспективно рассматривают жизнь Канта в Кёнигсберге, принимают во внимание в первую очередь исключительную, если не доминирующую, роль философа, которая постепенно возрастала в местном университете во многих отношениях благодаря его известности за пределами региона. Поэтому легко проглядеть существование более нейтральной и в то же время современной Канту перспективы. Не может быть сомнения в том, что в каче-

стве института, наиболее сильно повлиявшего на Канта в начале его самостоятельного интеллектуального развития, следует рассматривать основанный в 1544 году университет Альберта, а не Collegium Fridericianum³. В возрасте 16 лет Кант оставил позади школу с утомительным регламентированным течением дней. Хотя о студенте Иммануиле Канте доступна лишь скудная информация, можно предположить, что именно университет направил и сориентировал быстро развивающегося гения. Именно университет раскрыл скромный горизонт, определенный его происхождением, для мирового масштаба революции в образе мыслей, которая не в последнюю очередь проявилась в политических работах 1780-х и 1790-х годов.

Институты, где нет людей, которые осуществляют свою деятельность в них и посредством их, пусты и лишены своих функций. Только в деятельности отдельных личностей живёт организация, и только тогда можно поставить вопрос о возможных идейных «приёмных отцах», которые наложили отпечаток на личность Канта за период его почти восьмилетнего (1740—1747) обучения. Если оставить без внимания письменно зафиксированные в год смерти (1804) высказывания биографов и коллег Канта последнего времени, то среди профессорско-преподавательского состава тех лет обращает на себя внимание лишь один человек, чей интеллектуальный профиль являлся образцом для молодого Канта, вернувшегося в 1754 году из провинции. Это внештатный профессор естествознания (физики) Карл Генрих Раппольт.

Поскольку в другом месте [39] я уже исчерпывающе показал, что Кант — вопреки широко распространённому мнению — не испытал какого-либо особенного влияния экстраординарного профессора логики и метафизики Мартина Кнутцена (1713—1751), то я могу отказаться от отнимающих много времени детальных аргументов и ограничиться конкретным основным тезисом: в связи с неожиданной смертью своего учителя Раппольта, 23 октября 1753 года, Кант увидел для се-

³ Гимназия, в которой учился Кант. — *Прим. ред.*

бя шанс стать приват-доцентом в кёнигсбергской Альбертине. Своими нацеленными на студенческую публику «Лекциями по физической географии» Кант сразу заполнил брешь в преподавательском составе Альбертины, появившуюся после смерти Раппольта. Он достиг через короткое время таких успехов, что все подобные попытки других преподавателей фактически провалились.

Это утверждение не является абсолютно новым, поскольку и Манфред Кюн указывает на Раппольта как на доцента философского факультета Альбертины, возможно, оказавшего влияние на студента Канта в его молодые годы [24, р. 76f.; 25, р. 16—19]. Однако мне кажется уместным, если учесть наше особое внимание к физической географии, коснуться немногих доступных источников.

1. Для начала — жизненный путь. Раппольт родился 17 июня 1702 года во Фришхаузене, расположенном в нескольких километрах на северо-восток от Кёнигсберга. В возрасте девяти лет он приезжает в Кёнигсберг, где по окончании Альтштадтской школы в сентябре 1719 года он был записан студентом в Альбертину. Через два года Михаэль Лилиенталь (1686—1750) принял его в свой дом в качестве воспитателя для своих детей, среди которых был Теодор Кристоф Лилиенталь (1717—1782), который затем, с 1740 года в качестве приват-доцента, а четыре года спустя в качестве профессора теологии в Кёнигсберге приобрёл высокий социальный статус. Его академическими учителями физики или естествознания были в Альбертине ординарный профессор Генрих фон Занден (1672—1729) и экстраординарный профессор Кристиан Габриель Фишер (1686—1751). В роли оппонента при защите диссертации магистра Георга Генриха Николаи Раппольт впервые в октябре 1723 года выступает на публичной академической сцене. Он предпринимает два путешествия: небольшое на четыре недели в близлежащий Данциг (1724); а длительное путешествие в 1729—1730 годах приводит его среди прочих городов через Берлин, Дрезден и Кассель в Нидерланды и в итоге в Англию. В конце 1730 года Раппольт через Бер-

лин возвращается в Кёнигсберг. Летом следующего года во Франкфурте-на-Одере он получает степень магистра, а в Кёнигсберге — право преподавать в университете; 3 ноября 1733 года участвует в конкурсе на место внештатного профессора естествознания. Сторону оппонентов представляет его прежний воспитанник, Теодор Кристоф Лилиенталь. В 1734 году Раппольт женится на Марии Софии Моритц, в чьей родословной можно было найти поэта Симона Даха. В конце марта 1735 года Раппольт был избран членом Берлинской академии наук. В Кенигсберге в течение 22 лет он в основном читал лекции по естественной истории, классической латыни и современной английской литературе до самой своей смерти, последовавшей в октябре 1753 года. Уже летом 1753 года он распродал часть своего книжного собрания. Теодор Кристоф Лилиенталь публикует в итоге биографический набросок своего уважаемого учителя лишь в год смерти. Со школьных лет Раппольт был в особых дружеских отношениях с врачом Иоганном Кристофом Боллем.

2. Бывший кёнигсбергский студент, Иоганн Георг Гаман (1730—1788), весной 1758 года в далёком Лондоне в «Размышлениях о моей жизни» предпринял попытку отчитаться перед самим собой. В этой рукописи один из пассажей посвящён его шестилетнему (с 1746 года) студенчеству; Гаман упоминает имена только двух своих учителей: [Мартина] Кнутцена и [Карла Генриха] Раппольта; кроме того, отец и сын Лилиентали, поскольку оба они помимо бесплатного питания предоставили ему специальное пособие и выказывали ему свое расположение. Гаман выражает мысль о том, что он значительно больше узнал от Раппольта, чем от Кнутцена. Я цитирую: «Мне приятнее воспоминание о не столь известном учителе. Бог определил ему жить угнетённой жалкой жизнью в мрачных условиях; он был достоин лучшей судьбы, он обладал свойствами, которые мир не замечает и поэтому не ценит. Его кончина была, как и его жизнь, незаметной; я не сомневаюсь, что она благословенна. Его имя было Раппольт; человек, который обладал особой остротой восприятия, чтобы понять

естественные вещи с благоговением и простотой умеренности христианского мудреца и подражать необычайной силе духа римских писателей, а также их языку» [19, S. 322].

Существуют основания приписать Канту похожее мнение, и эту версию можно поддержать при помощи нескольких косвенных свидетельств. Раппольт читал лекции о Поупе — у Канта, особенно в ранних работах, цитаты из работ Поупа встречаются необычайно часто. Сюда же относится тот загадочный факт, что Кант свою первую работу посвятил врачу Иоганну Болиусу, это возвращает нас к пункту 1: Болиус и Раппольт были дружны. Лелеемая Кантом до самой старости любовь к латинским классикам также привита Раппольтом; наконец, имеет значение и тот не так давно ставший известным факт, что Кант в свой магистерский период вёл занятия по латинскому стилю по образцу Раппольта [16, S. 132—142].

3. В рамках данной статьи нет возможности, а вероятно, и необходимости переходить к структуре предметов и преподавательского состава философского факультета кёнигсбергской Альбертины 1740—1748 годов — студенческого периода Иммануила Канта; вполне достаточно того, что мне удалось охарактеризовать двух человек, чьи лекции почти через десять лет легли в основу «Лекций по физической географии» Канта. Один из них — Раппольт, с его лекциями как о трёх царствах природы, так и о естествознании у Плиния. Однажды летом 1750 года — к сожалению, уже в период отсутствия Канта — это были лекции именно по *Geographiam physicam*⁵. Другой — Иоганн Фридрих Дановиус (1710—1748), который до своей смерти в 1748 году был экстраординарным профессором ораторского искусства и истории, в этом качестве говорил на лекциях о географии европейских государств. Он познакомил студентов и с неевропейскими территориями. Однажды он обратился к описанию путешествия на Восток Жана Батиста Тавернье (середина XVII века), в другой раз использовал что-то более новое, вроде путешествия вокруг света Уильяма Дампьера (около 1700 года). Следующий по-

⁵ Физической географии (лат.). — *Прим. ред.*

сле Дановиуса экстраординарный профессор, Иоганн Бертран Ганн младший (1725—1794), переходит к истории как таковой. Короче говоря, обнаруживается «желаемый» мной результат: со смертью Раппольта появляется брешь в палитре предлагаемых для обучения предметов, по крайней мере, с точки зрения бывшего студента Иммануила Канта.

Для того чтобы магистр Кант через несколько лет успешно занял это место в студенческой аудитории, должна была оказаться несостоятельной попытка заняться обучением в той же самой области одного признанного кёнигсбергского учёного. Кёнигсбергский профессор греческого языка и теологии Фридрих Самуэль Бок (1716—1785) с ранней юности публиковал многочисленные, частью очень объёмные, работы по различным предметам. К ним можно причислить опубликованный в его последние годы жизни 5-томный «Опыт экономической естественной истории Королевства Восточной и Западной Пруссии» (1782—1785). Эту работу мы и сегодня ценим за детальный обзор отношений того времени. В середине 1760-х годов Бок по одному внешнему поводу увлекается областью естественной истории. Летом 1765 года он подаёт заявку на чтение лекций; к лету 1767 года с той же целью публикует самостоятельную немецкоязычную рабочую программу в значительно улучшенном дидактическом представлении: план в целом выправлен, занимательно скомпонован и обеспечен наглядными пособиями, имеющимися тут же в музее естественной истории. Однако же курс лекций не пользовался популярностью, как это подтверждает сам Бок весной 1774 года, оглядываясь на то время с большим разочарованием: «Я всё же должен признать, что нелегко среди просвещённых стран найти ту единую [читай: единственную], где естественная история до сих пор находила бы меньше разумных и любознательных друзей и любителей, как Пруссия. Я пишу это с тем большей неохотой, что многие это будут читать. Многим может показаться невероятным, что среди нескольких сотен учащихся не наберётся и двадцати, кто хотел бы прослушать даже занимательный систематический курс по естественной истории. Именно такие лекции предлага-

лись ... в 1767 году как студентам, так и другим лицам, которые не причисляют себя к академическому кругу, в общедоступной работе, которая одновременно представляла собой обзор полезного и изящного в естественной истории, но эти лекции тогда, равно как и сегодня, были мало популярны, плохо посещаемы и дурно организованы. Предлагается всё возможное, привлекательное, приятное и полезное из этого вида знаний, к чему и без того расположен каждый любопытствующий и разумный, и причем самым настойчивым образом, но всё это оказывается тщетным» [31, Bd. 3, S. 1042f].

Я подвожу итог. С одной стороны, надеюсь, что изложил с возможной ясностью тот биографический тезис, что именно «Лекции по физической географии» сыграли для магистра Канта столь существенную роль; с другой стороны, здесь возникает вопрос о возможной внутренней связи между тематикой этих лекций и дальнейшим развитием философских взглядов и убеждений Иммануила Канта. Однако ответ на него выходит за пределы настоящей статьи.

Список литературы

1. *Adickes E.* Untersuchungen zu Kants physischer Geographie. Tübingen, 1911.

2. *Arnoldt D.H.* Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsbergischen Universität. 2 Bde. + 2 Bde. Beylagen. Königsberg: Hartung, 1746.

3. *Arnoldt D.H.* Zusätze zu seiner Historie der Königsbergischen Universität, nebst einigen Verbesserungen derselben, auch zweyhundert und funfzig Lebensbeschreibungen Preußischer Gelehrten. Königsberg: Hartung, 1756.

4. *Arnoldt D.H.* Fortgesetzte Zusätze zu seiner Historie der Königsbergischen Universität, nebst Nachrichten von dreyhundert und eilf Preußischen Gelehrten auch Zusätzen zu des Herrn Profeseor Hambergers itztlebenden gelehrten Deutschland und Verbeßerungen desselben. Königsberg: Hartung, 1769.

5. *Arnoldt E.* Kants Jugend und die fünf ersten Jahre seiner Privatdocentur im Umriss dargestellt // Altpreußische Monatsschrift. Bd.

18. Königsberg, 1881. S. 606—686. (Auch in: Gesammelte Schriften. Bd. 3. S. 103—210.)

6. *Arnoldt E.* Gesammelte Schriften. 6 Bde. Hrsg. von Otto Schöndörffer. Berlin, 1907—1909.

7. *Bock F.S.* Vorläufige Betrachtung über das Nutzbare und Anmuthige in der Naturgeschichte, wobey zugleich Academische Vorlesungen über einige Stücke dieser Wissenschaft angezeigt werden, den 25. Aprill. Königsberg: Hartung/Zeise, 1767.

8. *Bock F.S.* Versuch einer wirthschaftlichen Naturgeschichte von dem Königreich Ost- und Westpreussen. 5 Bde. Dessau, 1782—1785.

9. *Brandt R.* Studien zur Entwicklung preußischer Universitäten. Hrsg. von Werner Euler, Werner Stark // Wolfenbütteler Forschungen. Band 88. Wiesbaden, 1999.

10. *Brandt R.* Zustand und Zukunft der Akademie-Ausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Schriften. Hrsg. von Werner Stark. 2000. (Auch in: Kant-Studien 91. Jg. Sonderheft. 6. 230 S.)

11. *Deutsches Biographisches Archiv: Eine Kumulation aus 254 der wichtigsten biographischen Nachschlagewerke für den deutschen Bereich bis zum Ausgang des 19. Jahrhunderts.* Hrsg. von Bernhard Fabian, Willi Gorzny. [Microfiche-Edition]. München: Saur, 1986.

12. *Deutsches Biographisches Archiv: Neue Folge bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts: Eine Kumulation aus 284 der wichtigsten biographischen Nachschlagewerke für den deutschen Bereich bis zum Ausgang des 19. Jahrhunderts.* Hrsg. von Willi Gorzny. [Microfiche-Edition]. München: Saur, 1989—1993.

13. *Die Matrikel [und die Promotionsverzeichnisse] der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr.* Hrsg. von Georg Erler, Erich Joachim. 3 Bde. Leipzig, 1910—1917.

14. *Erdmann B.* Martin Knutzen und seine Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte der Wolfischen Schule und insbesondere zur Entwicklungsgeschichte Kants. Leipzig, 1876. (Reprint: Hildesheim, 1973.)

15. *Euler W.* Immanuel Kants Amtstätigkeit. Aufgaben und Probleme einer Gesamtdokumentation. Hrsg. von Reinhard Brandt, Werner Stark // Kant-Forschungen. Bd. 5. S. 58—90.

16. *Euler W.* Kants Briefwechsel und 'Amtlicher Schriftverkehr'. Mit einem Anhang zu Kants Vorlesung über römischen Stil. Zustand und Zukunft der Akademie-Ausgabe von Immanuel Kants gesammelten Schriften // Kant-Studien. Sonderheft. 2000. Bd. 91. S. 106—142.

17. *Fischer H.-P.* Eine Antwort auf Kants Briefe vom 23. August 1749 // *Kant-Studien*. 1985. Bd. 76. S. 79—89.

18. *Fischer H.-P.* Kant an Euler // *Kant-Studien*. 1985. Bd. 76. S. 214—216.

19. *Hamann J.G.* *Londoner Schriften*. Historisch-kritische Neuedition. Hrsg. von Oswald Bayer, Bernd Weissenborn. M nchen, 1993.

20. *Kant I.* *Physische Geographie*. 2 Bde. Hrsg. von Friedrich Theodor Rink. K nigsberg: G bbels & Unzer, 1802.

21. *Kant I.* *Kant's gesammelte Schriften*. Berlin, 1900 ff.

22. *Kant I.* *Briefwechsel*. Auswahl und Anmerkungen von Otto Sch ndorffer. Bearbeitet von Rudolf Malter. Mit einer Einleitung von Rudolf Malter und Joachim Kopper. Dritte, erweiterte Auflage. Hamburg, 1986. [zuvor: Leipzig 1924; Hamburg 1972].

23. *Klemme H.F.* *Die Schule Immanuel Kants*. Mit dem Text von Christian Schiffert  ber das K nigsberger Collegium Fridericianum. 1994. (Auch in: *Kant-Forschungen*. Hrsg. von Reinhard Brandt, Werner Stark. Bd. 6.)

24. *Kuehn M.* *Kant. A Biography*. Cambridge: University Press, 2001.

25. *Kuehn M.* *Kant's Teachers in the Exact Sciences // Watkins Eric.* *Kant and the Sciences*. Oxford.: New York, 2001. P. 11—30.

26. *Lilienthal T.C.* *Lebensgeschichte des seel. Prof. Rappolt*. K nigsberg, 1753. (Auch in: [28]. 5ter Teil. 1753. S. 138—153.)

27. *Lindemann-Stark A., Stark W.* *Beobachtungen und Funde zu K nigsberger Best nden des 18. Jahrhunderts // Nordost-Archiv, NF. L neburg*, 1995. Bd 4.1. S. 63—100.

28. *Das Neue Gelehrte Europa*. Hrsg. von Johann Christoph Strodtmann. Wolfenb ttel, 1752—1781.

29. *Nicolai G.H., Rappolt K.H.* *Existentiam dei e mentis cum corpore unione demonstratam amplissimo ordinis philosophici consensu, pro receptione in eundem defendet M. Georgius Henricus Nicolai S. minist. candid. respondente Carolo Henrico Rappolt, phil. cult. MDCC XXIII d. xx Octbr. ab hora VIII ad XII*. K nigsberg: Zaencker, 1723.

30. *Pisanski G.C.* *Entwurf einer preu iischen Liter rgeschichte in vier B chern*. Mit einer Notiz  ber den Autor und sein Buch. Hrsg. von Rudolf Philippi. K nigsberg, 1886. (Reprint: Hamburg 1994. Auch in: *Sonderschriften des Vereins f r Familienforschung in Ost- und Westpreu en* e. V. Nr. 80, 1.)

31. *Der Preußische Sammler*, eine Wochenschrift. 3 Bde. Königsberg: Zeise/Hartung, 1773—1774.

32. *Rappolt K.H., Meltzer D.H.* Providentia per quisquillas asserta, argumentum a Luc. Vanino in palea exhibitum, etiam uberius declaratum [Vignette] quod iussu collegii philosophorum pro impetratis honoribus tuetur Carolus Henricus Rappolt, M. A. et prof. phys. extr. D. respondente Daniel Reinhold Meltzer, R. P. med et philos. stud. /admiranda tibi levium spectacula rerum. Virg./ Regiomonti Pruss. MDCC XXXI iul. in audit. max. Königsberg: Reussner, 1731—1732.

33. *Rappolt K.H., Lilienthal T.C.* Quaestio naturalis prussica de oolitho Regiomontano, an caviarum petrefactum? S. C. pro loco prof. natur. extraord. D. [3. Nov.] octobr. in aul. max. disputabit Carolus Henricus Rappolt, A.M. et P.N.E. respondente Theodoro Christophoro Lilienthal, Regiomontano. Ol. Magnus de mira natura rer. septentr. L. II. c. 28 [...]. Königsberg: Reussner, 1733.

34. *Rappolt K.H., Moritz M.S.* [Hochzeitsgedichte; 13. Mai 1734]. Königsberg, 1734.

35. *Rappolt K.H.* Fama veritatis, virtuti, honori ac meritis erudissimi viri, M. Michaelis Lilienthal, verbi divini ministri, academiae imperialis russicae professorius honorarii, regiae societatis prussicae scientiarum sodalis, et bibliothecae urbici praefecti primarii, debitam, salvam ac perennem cupit, qui eo ductore, hospite ac patrono optime merente usus est, eiusque obitum nunc acerbo moerore luget, Carolus Henricus Rappolt, natural. Prof. ext. SRS. Königsberg, 1750.

36. *Rappolt K.H.* Eine Parthey alter und neuer Bücher, in mancherley Wissenschaften und Sprachen A. 1753. d. 24. Iulii bey Herrn Prof. Rappolt in der Kneiphöfischen Hofgasse öffentlich vor baar Geld zu verauctioniren. Königsberg: Hartung, 1753.

37. *Selle G.v.* Geschichte der Albertus-Universität zu Königsberg in Preussen. Königsberg: Kanter, 1944.

38. *Selle G.v.* Geschichte der Albertus-Universität zu Königsberg in Preußen. 2. durchgesehene und vermehrte Auflage. Würzburg, 1956.

39. *Stark W.* Hinweise zu Kant's Kollegen vor 1770 // Studien zur Entwicklung preußischer Universitäten. Unter Mitwirkung von Werner Stark. Herausgegeben von Reinhard Brandt und Werner Euler. Wiesbaden, 1999. S. 113—162.

40. *Vorlesungsverzeichnisse* der Universität Königsberg (1720—1804) in 2 Teilbänden. Mit einer Einleitung und Registern herausgegeben von Michael Oberhausen, Riccardo Pozzo. Stuttgart-Bad Cannstatt,

1999 (Auch in: Forschungen und Materialien zur Universitätsgeschichte FUM. Abt. 1: Quellen zur Universitätsgeschichte. Band 1 (1/2)).

41. *Waschkies H.-J.* Physik und Physikotheologie des jungen Kant. Die Vorgeschichte seiner Allgemeinen Naturgeschichte und Theorie des Himmels. Amsterdam, 1987. (Auch in: Bochumer Studien zur Philosophie. Bd. 8.)

И. С. КУЗНЕЦОВА

(Российский государственный университет им. И. Канта)

Иммануил Кант и музыка

Известно, что великий философ Иммануил Кант не был меломаном. В воспоминаниях о нем часто повторяется один сюжет: на званых вечерах, когда появлялись музыканты и публика готовилась наслаждаться музыкой, Кант потихоньку, по-английски, покидал дом. Однако в произведениях мыслителя мы обнаруживаем весьма интересные суждения о музыке, знаем также, что среди его близких друзей был композитор И. Райхард, и все это вызывает желание понять, каковы истоки отношения Канта к музыке, как эволюционировали его взгляды. Для этого обратимся к его биографии, к временам его детства, когда, собственно, закладываются многие черты характера, формируются увлечения и пристрастия.

Иммануил Кант родился во время правления Фридриха Вильгельма I (1688—1740), который был коронован в 1713 году. Король весьма прагматично относился к искусству, к культуре в целом, считая, что она должна приносить конкретную пользу, пользу видимую, осязаемую, измеряемую. Поэтому он делил искусство на нужное и лишнее. Лишним, по его мнению, был театр. Например, школьные театральные постановки, в которых зачастую звучала веселая музыка, запретили, поскольку «они нравы портили и только расходы вызывали».

Церковную музыку король признавал полезной, так как она способствует воспитанию благочестия, набожности, послушания, направляет мысли и чувства в нужную сторону. Такая му-